

Анна Михалевская

Феликс и его «Илиада»

Глава из романа «Одиссеев ковчег»

Небрежно заколоченные окна пропускали косые лучи света, и те шарили по дощатому полу, все что-то искали, будто пальцы ослепшего старика.

Кровать с провисшей панцирной сеткой скрипнула, Лука встал, взял с тумбочки граненый стакан, жадно выпил остатки холодной воды.

Он прошелся по заброшенному дому, узнавая и одновременно не узнавая его. Печку-грубу оставили, а буржуйка исчезла. Нужник перенесли в дом. В коридоре лежало новое покрытие – когда он уходил, таких материалов еще не было. В кухонном окне болталась накрахмаленная занавеска.

В его голове все еще кричал румын:

– Evreu! De perete! De perete!*

Зима начала 1942 была снежной, не в пример теперешней. За его спиной в то же заколоченное окно тарабанила вьюга, у румынского солдата изо рта валил пар. Еврей, смешно. Он был никем. Возможно, румын позарился на добротный дом и аккуратную поленицу у сарая. Или донесли соседи, которые не любили его и сами не знали, за что. Не имеет значения. Его время пришло. Всех евреев, кого мог, он уже вывел. К стенке поворачиваться не стал. Стоял и смотрел, как румын теряет терпение, как в суженных глазах рождается его приговор. Как же он ненавидел эти долгие прощания...

Неделю назад он очнулся в этом же доме. Кто здесь жил восемьдесят лет с 1942 и жил ли вообще – не его забота. Так было всегда – возвращался туда же, откуда ушел. В одиночестве. В безнадежно

* Еврей! К стене! К стене! (рум.)

устаревшей одежде. Недовольный и злой. Если он здесь, значит, скоро война. Снова срываться с места, куда-то нестись. Узнавать страну, язык, людей. Или встречать ее тут с распростертыми объятиями. Эти войны за тысячелетия у него были уже вот где! Лука потер кадык, будто желая избавиться от невидимой петли.

Но он слишком хорошо помнил, как уходил. И в этом тоже было его проклятие. Тогда, в 1942, в последний момент нелегкая принесла этого парнишку. Феликса.

Проклятье, выругался он про себя, увидев за спиной румына знакомый силуэт с книгой под мышкой.

– Nu trage!** – голос Феликса дрожал: похоже, парень не совсем понимал, что дальше делать, но из необъяснимого упрямства не уходил...

* * *

Первый раз он встретил Феликса на берегу возле Дачи Ковалевского.

Лука упражнялся с палкой – не потому что собирался с кем-то сражаться. Нет. Так он чувствовал себя немного более живым, чем обычно. Осеннее море бурлило яростью, и это придавало сил.

Феликс приходил на тот же берег с книгами. Чернявый, худой, с умным взглядом. Он читал вслух, и Лука с удивлением уловил отзвук древнегреческой речи.

Нас ожидая, ахейцы сидят. Ахиллес мирмидонец
Дикую в сердце вложил, за предел выходящую гордость!

«Илиада», узнал он отрывки книги. Как давно он слышал это на выжженных солнцем улицах от бродячих менестрелей... Ахиллес и Гектор. Война, месть и смерть. Ничего не поменялось. Он отбросил палку, подошел к Феликсу и продолжил строфу.

Смертный, суровый! В ничто поставляет и дружбу он ближних,
Дружбу, какую мы в стане его отличали пред всеми!

** Не стреляй! (рум.)

Парень вскинулся, захлопнул книгу, подобрался.

– Зачем тебе это?

– Я хочу понять, – кадык на шее парня дернулся, – понять, из чего вырос наш мир и куда он идет.

Лука спрятал улыбку. Достаточно спросить его. Македонский тоже носил за собой песни Гомера. Хотел понять. Ответ будет прост: мир идет по кругу.

– Мать против. Она хочет, чтобы я читал Тору. А я учу чужой язык...

Феликс улыбнулся, будто бы извиняясь. У Луки заныло в груди, он так соскучился по этому неведению, заблуждению и простоте, которые творят чудо: делают человека счастливым...

– Тебе бы произношение подправить, – вдруг сказал он. – Могу помочь.

Парень засиял и протянул руку.

– Феликс!

– Лука!

– Когда начнем, дядя Лука?..

Они не стали друзьями. Лука не мог этого допустить. Но парнишка тянулся к нему, и чем больше уверялся, что дядя Лука чего-то недоговаривает, тем больше задавал вопросов.

В оккупированном городе становилось все сложнее. Спасая армию, командование оставило город и его людей в заложники румынам. В эвакуацию по суше было не уехать, морем опасно – переполненные корабли шли ко дну. Электроснабжение, водопровод, подача тепла – все было взорвано или уничтожено. Первые дни царил хаос – военные покинули Одессу за одну ночь, и горожане выносили остатки продуктов из магазинов, воровали дрова, уголь, дрались за брошенные в спешке обозы, угоняли лошадей. Лука не осуждал их: на войне ты прав, пока жив. Он не стал лезть в давку к порту и в центр. На первой станции Большого Фонтана нашел фургон с консервами и дровами. И решил, что на его долю хватит.

Это было лишь начало, и Лука об этом знал. Физические лишения человек вытерпит, если знает, ради чего. А когда начинают казнить его дух, телу жить незачем. Сначала римляне прошлись по Европе, потом волной прокатилось христианство с его крестовыми походами и святой инквизицией. Он помнил, как горели

города Волыни и казацкие сечи. Он помнил татарскую орду и Османскую империю. Он помнил резню Варфоломеевской ночи, как вывел старика католика и его дочь к каменоломням, как вложил в морщинистую руку монетку и крепко сжал пальцы. Как бежал через подземелья к домам гугенотов, надеясь вытащить еще хоть пару жизней. А наверху уже переворачивали мебель озверевшие от крови преследователи... Он помнил все. Но больше всего он помнил, как людей заставляли отречься. От дома, от семьи, от своей сути. И ничего хорошего из этого не вышло...

Осенью 1941 началось то же самое. Румыны уводили евреев в резервации. В парках и домах то и дело звучали выстрелы. Он предупредил Феликса – переехать в заброшенный дом, тайком выбросить менору, Тору, свечи, книги, одежду. В море, сжечь, как угодно. Добровольно отречься от себя раньше и быть свободным, не ждать, когда заставят это сделать под дулом автомата и все равно угодить в лагерь. Феликс послушал мать. Всевышний справедлив, сказала Фейга Шлейфман. Он не допустит. Допустил. Мать увезли в резервацию, а Феликс, поумнев, скитался по опустевшим фонтанским домам и дачам с томиком Шекспира и дореволюционным изданием «Илиады», которое они так и не успели дочитать...

Лука был бы и рад продолжить, но нашлись дела поважнее. Утром он заметил, что поленница перекочевала от сарая к левой стене дома. Приблудившийся пес поменял масть – с черно-белого окраса на рыжий. А вдалеке на обрыве возвышалась мрачная башня Ковалевского, которую лет десять как уже разобрали по кирпичику. Он смотрел на море и видел, как подрагивает линия горизонта. Пространство шло еле заметной рябью, но его наметанный глаз выхватил это сразу. Значит, заработали вокзалы.

Ветер принес запах тины. Легкое прикосновение к плечу.

Он наспех собрался и уже накинул оставшийся бог весть от кого плащ, пошарил в карманах. И вынул две медные монеты с незнакомыми именами.

Обычно Лука старался знакомиться со всеми соседями, но больше ценил одиноких сплетниц. Охотно их навещал – прихватывал вино или чего покрепче пятидесятилетней выдержки, прикидывался иностранцем, провоцировал на разговор

и внимательно слушал. Так он узнавал обо всем, что волновало простых смертных. А значит, и его.

Сейчас он взял бутылочку из запасов перцовки, натянул на лицо беззаботное выражение и обошел соседей. На пятой рюмке разговорилась даже всех во всем подозревающая Клавдия Степановна. Берковичи и Шмидты? Так ото ж, через улицу иди. Стучи, не достучишься.

Выпили на посошок, и Лука пошел стучаться. В одну и вторую дверь.

– Хотите уехать? – Лука всегда произносил только эти слова. И его всегда понимали.

Его бы воля, сказал – бегите от войны, сейчас же, ее нельзя переждать, в ней нельзя жить, с ней нельзя сражаться, посмотрите на меня: я вижу только войну и сам стал ею. Но каждый раз, когда он решался на бунт, его рот будто зажимала чья-то рука, и он начинал задыхаться.

Конечно, соглашались не все. Многие принимали его за пьяного, вора, безумца. Но некоторые были собраны, будто давно ждали его. И лишь спрашивали:

– Кого мы можем взять?

Ответ тут тоже был один:

– Только себя.

У Берковичей и Шмидтов ему открыли женщины. Одна, с детьми, жмущимися к ногам, отказалась. Другая, с опущенными уголками губ и уставшими глазами, согласилась. Он отдал ей монету. Вторая монета потерялась – уронил, где-то забыл. Так случалось всегда, если пассажир отказывался.

– В девять на вокзале. Эвакуационный поезд.

Пока шел, приняховался – не запахнет ли тиной. И все время проверял карманы – надеялся найти новую монетку с фамилией Шлейфман. Но кроме дырок, ничего нового не появилось.

Румыны патрулировали главный вход, но это не беда. Монетки действовали безотказно. С ними он проводил людей под носом у стражи всех веков и мастей. Монеты будто изымали людей из этого пространства, вырезали фигуру чудо-ножницами, и ее уже никто не видел. Кроме тех, конечно, кто был так же вырезан из пространства.

Лука не знал, куда эти люди попадут. Но до сих пор верил: куда-то в лучшее место.

Он встретил бледную, перевязанную крест-накрест пуховым платком, как перевязью, Беркович, и они молча пошли по пустынному вокзалу искать колею. Девушка несла один небольшой чемодан, и Лука все время боролся с искушением спросить, все ли она взяла. И не хочет ли взять его? Они бы могли согреть друг друга. В своем одиночестве он промерз насквозь.

Поезд, как циклоп, изучал их одним красным глазом. И чем ближе они подходили, тем тревожнее становилось на душе. Хотя что это он? Душа его давно заснула.

Проводников не было. Кабина машиниста светилась тускло и тоскливо. Он посадил девушку на высокую ступеньку и смотрел, как она идет по вагону, на ходу развязывая платок. Тонкий нос и грустные большие глаза, как на византийских иконах божьей матери. Лицо запомнилось и не желало стираться из памяти.

За конец осени и зиму он переправил еще с десятков пассажиров. Каждый день ждал, что услышит всплеск весел, почувствует привычное похлопывание по спине, почует запах тины, и в кармане появится монета с именем Шлейфман. И каждый раз разочаровывался. Мог бы – выскреб бы это имя сам. Но так не получалось. Чужие монеты не имели силы. Он пытался. Но друзья гибли по тем же законам, что и все вокруг. Имелась, правда, пустышка. Она путешествовала с ним из века в век, в каком бы рванье он ни приходил в себя, монета оставалась с ним – да хоть и зажатой в руке.

Запах тины выветрился, монеты не появлялись, и это значило, что свою работу он выполнил, и за ним скоро придут. Феликса избегал, отмалчивался, в конце концов просто запретил приходить. Но что его запреты?

«Дядя Лука, последний раз, клянусь, а от чего умер Александр, как по-вашему?» Или: «А что бы спасло Карфаген?». Или: «Хочу начать учить санскрит, поможете?». Последний раз Лука не выдержал. Прогнал. Кричал вдогонку, чтобы шел к ребе в резервацию со всеми своими вопросами. Феликс вроде бы даже обиделся. Лука с облегчением выдохнул и всю ночь провел на берегу, слушая рев волн и осознавая, что в этот раз ему снова не удастся умереть в женских объятиях, страстно желая остаться.

* * *

Пытаясь выиграть время, Лука поднял руки. Мол, сдаюсь.

Но румын уже подтолкнул дулом Феликса и заставил стать рядом. Перед Лукой прошло столько лиц и судеб, что он давно потерял свое, оно стерлось песком времен. Его можно было принять и за поляка, и за немца, француза. Внешность же Феликса говорила сама за себя. Смоляные вьющиеся волосы, нос с горбинкой, выразительные темные глаза. Тут и спрашивать не надо.

Румын вскинул ружье, поджал губы, решаясь. Сейчас выстрелит, понял Лука. Своей смерти он избежать не мог. Пытался и знал: не получится. Но Феликса было жаль.

Не отводя взгляда от лица румына, он толкнул паренька на пол и шагнул, сокращая расстояние между собой и неминуемым выстрелом. Палец румына на пусковом крючке дернулся, Луку отбросило назад. Он впечатался спиной в подоконник, осел на пол.

Повеяло тиной. Немереющей рукой залез в карман. Сквозь пелену боли вдруг проступило удивление. Из кармана выпала монетка.

– Феликс... вокзал... к девяти... – он оттолкнул монетку.

Так и не понял, успел ли сказать, или эти слова навсегда остались в его голове...

Он привык вживаться в новую роль, но не всегда это было просто. Сейчас повезло. В доме была кое-какая еда, теплые вещи. Казалось, хозяева просто вышли во двор и вот-вот вернуться. Но этого не происходило. Лука вспомнил рассказы путешественников о Мачу-Пикчу, содрогнулся. Те дома тоже выглядели так, будто инки вот-вот вернуться. А они отсутствовали уже который век.

С первых часов, как очнулся, он думал о Феликсе. Почему-то было важно, чтобы Феликс выжил. Первым делом Лука обошел район, стараясь не удивляться домам высотой с Родосского Колосса. Остались и маленькие домики – дощатые, подгнившие, одной ногой сползшие в море. Появились виллы за высокими заборами, и лишь по высоте елок и ковке на воротах можно было догадаться о благосостоянии владельцев. Дома Шлейфманов он не нашел. Берковичей и Шмидтов тоже.

Дощатые полы скрипели под его весом, он вышел на выстуженную кухню. Ветер раскачивал форточку, петли ныли, жалуясь

на жизнь. На столе, покрытом выцветшей клеенкой, – вчерашние бутерброды, принесла сердобольная соседка. Мария Павловна, как он выяснил потом. Есть не хотелось. Он выпил холодного молока, включил радио.

Затрещало и завизжало, Лука не сразу понял, что это песня. Слушать море было приятнее. Вскоре треск прекратился, парень и девушка бойкими голосами принялись обсуждать, будет ли война.

Он усмехнулся: люди не замечают, что она уже началась. Впрочем, в каждый данный момент где-нибудь на планете идет война. Она не заканчивается. Люди постоянно в ней живут, лишь иногда устают и позволяют себе забыть об этом.

Возможно, ему придется уехать отсюда. Возможно, остаться. Время, когда он пропахнет тинной и кто-то невидимый подбросит монеты в его карман, придет нескоро. Надо осмотреться.

В дверь постучали. Он по привычке поискал глазами оружие. Выдохнул, пока в этом нет нужды. Пошел открывать.

– Здравствуйте! – сказал жизнерадостный толстяк. Пуговицы на куртке не сходились и сквозь болтающийся шарф проглядывала легкая рубашка, тоже не застегнутая. – Горгаз! За вами должок. Вот квитанция, распишитесь! Не оплатите вовремя, будем подавать в суд!

С каждым словом толстяк радовался все больше, и его живот будто бы становился еще шире. Луке показалось, что толстяк вот-вот выйдет из берегов и пуговицы полетят в разные стороны.

Резко открыть дверь на полную, выбить пару зубов парню, чтоб неповадно было, размышлял Лука. Нет, лучше не привлекать внимания. У него еще много работы.

Он вздохнул, взял квитанцию, долго мусолил, соображая, на каком языке от него требуют подпись, и в конце концов подписался на древнегреческом.

Толстяк хмыкнул, но спорить не стал.

– Гоните их, в три шеи гоните! – закричала за забором соседка. – По три раза долг выписывают! Тьфу! – она смачно сплюнула и погрозила толстяку кулаком.

Тот улыбнулся еще шире и стал пятиться к калитке. И по большой дуге обходя дом Марии Павловны, направился к другим должникам.

– А вы что дома сидите, один да один? – соседка переключилась на Луку. – Парк вон рядом!

Он поежился от назойливого внимания. Но в парк все-таки пошел. Прогулялся над морем, послушал тявканье собак, крики чаек, шелест ветра в кленах. Люди – чистые, сытые, красиво одетые, с довольными лицами. Разве такое бывает? Он чувствовал себя чужаком, который пришел разрушить устоявшийся порядок. Добрый, хороший порядок.

Взгляд лениво скользил по лицам. Он заглядывал в каждое и пытался угадать мысли.

Вот молодая женщина катит коляску с ребенком. Недовольная, прикрикивает, когда ребенок плачет. Она думает, что дети обуза, и жалеет, что родила так рано от мужчины, который ее ни во что не ставит.

Мама и сын прогуливаются, держатся за руки. Сыну за тридцать, наверняка не женат. Мама властная. Сын мечтает сбежать от мамы в Японию, Китай или на Аляску. И найти там жену, которая будет похожа на маму.

Стройная девушка вся в черном, губы шевелятся, будто молитву шепчет, под мышкой книга. Взгляд в себя.

Лука вздрогнул. Вьющиеся черные как смоль волосы, нос с горбинкой. Вот только глаза серые, не карие. Книга? Лука мог поклясться, что узнал переплет дореволюционного издания «Илиады». Спросить, знает ли она Феликса Шлейфмана? Выжил ли дед в войне?

Он не боялся выглядеть дураком. Но до смерти испугался, что она скажет нет. Поэтому просто пошел за девушкой.

Она направилась к лестнице, ведущей к пляжу, и перед тем как начать спускаться, оглянулась. Их глаза встретились.

Луке показалось, что тот румын из прошлого в него снова выстрелил. Только от этого выстрела он вряд ли когда-нибудь очнется.

